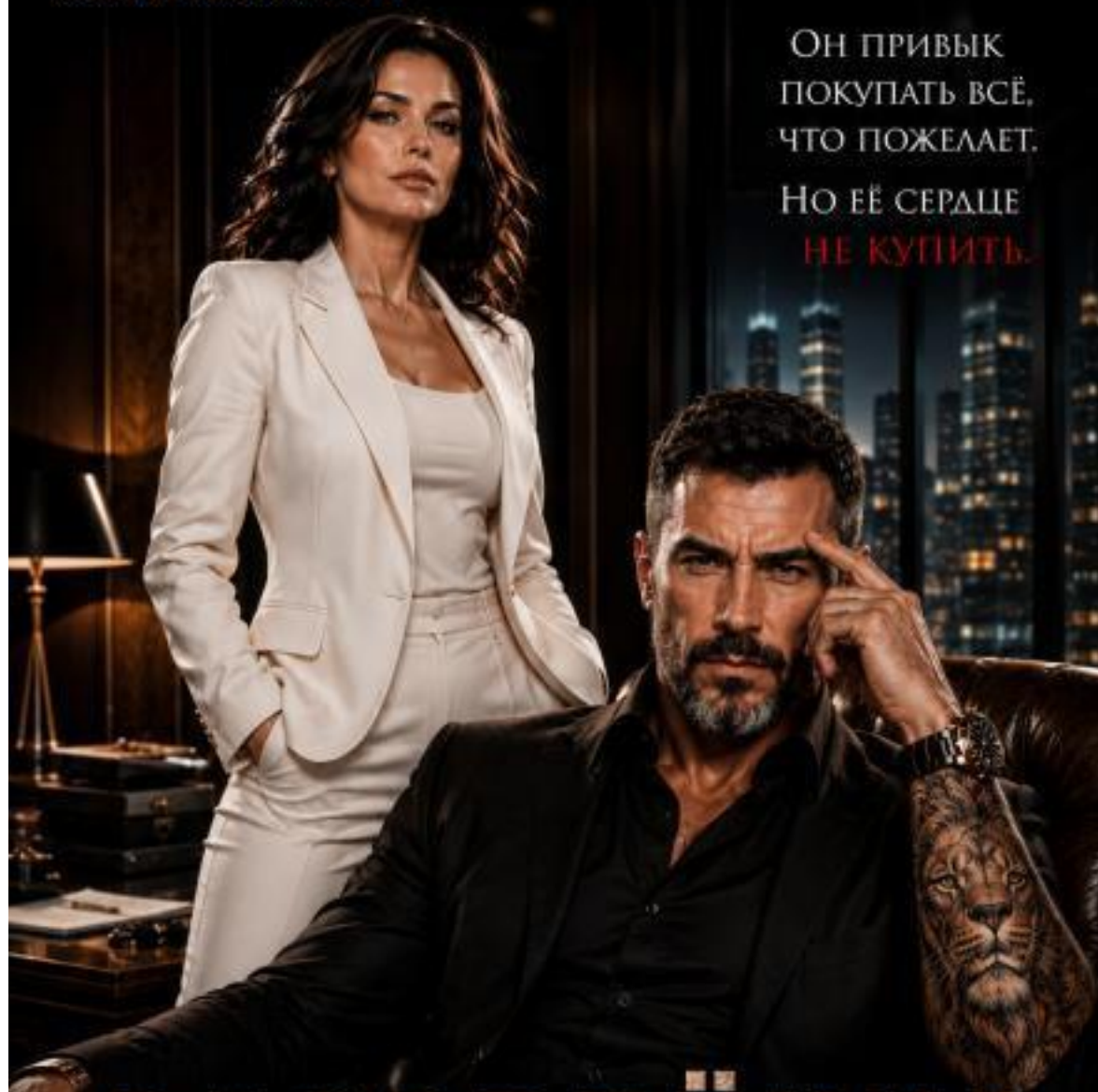

ЗЛАТА ЗОРИЧ

ОН ПРИВЫК
ПОКУПАТЬ ВСЁ,
ЧТО ПОЖЕЛАЕТ.
НО ЕЁ СЕРДЦЕ
НЕ КУПИТЬ.

РАЗВЕДЁНКА
для
БОССА-БАНДИТА

Злата Зорич

Разведёнка для босса-бандита

«Литнет»

2026

Зорич З.

Разведёнка для босса-бандита / З. Зорич — «Литнет», 2026

Бывший муж сбежал, оставив мне огромные долги. Единственный человек, который может мне помочь - это бывший криминальный авторитет, которому задолжал мой бывший. А я - единственная, кто может помочь ему... Ему нужен финансовый директор, которому он сможет доверять. Мне нужны деньги, безопасность и шанс вернуть своё честное имя. Мы заключили сделку. Но чем глубже я погружаюсь в его империю, тем яснее понимаю: опаснее долгов только мужчина, который решил, что теперь я принадлежу ему.

© Зорич З., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4.	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1.

— Попробуйте еще раз, — я выдавила вежливую улыбку, настойчиво протягивая бариста свою золотую карту.

Очередь в нашей офисной кофейне росла. За моей спиной перешептывались.

— Извините, Виктория Юрьевна, но терминал пишет «недостаточно средств», — парень-бариста смущенно отвел глаза.

В груди кольнуло нехорошее предчувствие, но я отмахнулась. Глупость. Технический сбой. Мой лимит по этой карте — полмиллиона, а расчетный день был только вчера.

— Оставлю кофе на стойке, позже разберемся, — я кивнула и, стараясь сохранять невозмутимый вид, направилась к лифтам. Спина горела под взглядами подчиненных.

В кабинете я сразу же открыла банковское приложение. Пальцы почему-то не слушались, я дважды ввела неверный пароль. Наконец экран мигнул, и я замерла, забыв, как дышать.

Вместо привычного остатка в углу светилась жирная красная цифра. Минус. Глубокий, бездонный минус. Кредитный лимит был вычерпан до последней копейки.

Мой взгляд заметался по истории транзакций. Последняя запись была сделана три часа назад.

«Перевод: ООО „Консалтинг Плюс“ — 1 200 000 руб.»

Моя бизнес-карта, привязанная к корпоративным расходам, тоже была пуста. Деньги компании. Миллионы, за которые я отвечала головой.

Виктор. Это мог быть только он.

В дверь не постучали — её буквально снесли, и в мой кабинет ворвался генеральный директор. Мой любимый шеф, с которым мы работали бок о бок долгие восемь лет. На его лице полыхала ярость.

— Виктория, — он бросил на мой стол пачку распечаток. — Служба безопасности только что прислала мне отчет. Ты использовала корпоративный счет для обналичивания средств через подставную контору своего мужа?

— Олег Борисович, я... я только что увидела. Это какая-то ошибка...

— Это перешло все границы, — он ударил ладонью по столу. — Я уважал тебя как профи, но воровство?! Воровство из бюджета компании? Прямо под носом у аудита?

— Я не воровала! — я вскочила, чувствуя, как мир вокруг начинает вращаться слишком быстро. — Вы же знаете меня!

— Я знал ту, другую Викторию... Ту, которая пахала по двадцать часов в сутки. А сейчас я вижу женщину, которая подставила весь холдинг под налоговую проверку!

Он посмотрел на меня с такой ненавистью, что я внутренне содрогнулась.

— У тебя есть десять минут, чтобы собрать личные вещи. Приказ об увольнении по статье «утрата доверия» уже подписан. И, разумеется, я подам заявление в органы. Тебе лучше заняться поисками адвоката.

Он вышел, с грохотом захлопнув дверь.

Я опустилась на стул. Тишина в кабинете стала оглушительной. В сумке запищал телефон — уведомление от школьной медсестры: *«Виктория Юрьевна, у Тёмы заканчиваются расходники к помпе, привезите сегодня обязательно».*

Какое-то время я сидела, уставившись в одну точку на полированной столешнице, пытаюсь отойти от чудовищного шока. Десять минут. Олег Борисович дал мне десять минут, чтобы стереть из этой компании восемь лет моей жизни. Восемь лет ночных планерок, сорванных отпусков и сданных в срок отчетов, которые вывели этот холдинг в лидеры рынка.

Всё в пепел. Из-за одного человека.

Я медленно перевела взгляд на экран телефона. Уведомление от медсестры мигало, как тревожный маяк. Слова, которые раньше были просто частью быта, сейчас звучали как приговор. У меня на счету — минус. В кошельке — пара купюр, которых не хватит даже на половину упаковки сенсоров.

— Подонок... — прошептала я.

Это была не просто обида на измену. Виктор не просто ушел к другой. Он меня уничтожил.

Он знал мой график. Знал, когда у нас аудит. Он высчитал идеальное время, чтобы вернуть всё это, зная, что я буду слишком занята дырами в чужих отчетах, чтобы заметить дыру в собственном кармане.

Но из кабинета я вышла с прямой спиной. Секретарша, еще утром заглядывавшая мне в рот, теперь старательно изучала свои ногти. По офису уже полз шепоток. «Утрата доверия». «Воровка».

Я шла через оупен-спейс, чувствуя, как сотни глаз впиваются мне в лопатки.

Вышла на парковку, вдохнула холодный воздух и вцепилась в руль своей машины (которая, как я узнаю через полчаса, мне больше не принадлежит).

— Ты за это ответишь, — прорычала я, заводя мотор. — Клянусь, ты за это ответишь!

Глава 2

Я вела машину на автопилоте, почти не видя дороги из-за пелены, застилавшей глаза. Приходилось то и дело вытирать щеки тыльной стороной ладони, размазывая по лицу тушь.

«Спокойно. Дыши. Ты всё исправишь, всё наладится», — твердил мне внутренний голос, но он захлебывался под лавиной отчаяния и боли.

Всё началось не сегодня. И даже не два часа назад, когда я увидела «красную» цифру в приложении. Всё началось в тот день, когда нашему сыну Тёме поставили диагноз — сахарный диабет. Слово «неизлечимо» тогда прозвучало как выстрел в упор.

Я помню, как мы с мужем сидели в коридоре больницы. Я сразу же полезла в телефон и начала судорожно искать лучшие помпы, лучшие клиники, считала, сколько нужно зарабатывать, чтобы обеспечить сыну жизнь без осложнений. А Виктор... он просто смотрел в стену. Он словно выключился.

Я выбрала путь борьбы. Стала брать двойную нагрузку на работе, задерживаться до полуночи. Начала составлять списки: лучшие эндокринологи, закупка расходников, диета, графики.

А муж... он не то, что не справился — он не хотел справляться. Для него, мужчины, привыкшего быть «сильным», болезнь сына стала личным оскорблением, его собственной неполноценностью. Он не хотел считать хлебные единицы. Он хотел, чтобы всё было «как раньше». И вместо того, чтобы встать рядом со мной в этот строй, он просто сделал шаг назад. В тень.

Ему было страшно. Ему было неудобно. Ему было... скучно болеть вместе с нами.

Я вытерла злую, обжигающую щеку слезу, едва не пропустив поворот.

Я взяла на себя всё: лечение, обучение старшей дочери, быт. Чем успешнее я становилась в офисе, чем больше денег приносила домой, тем сильнее Виктор чувствовал себя... лишним. Ему было проще считать меня «железной леди», которой не нужна поддержка, чем признать, что он спасовал перед лицом трудностей.

Пока я выгрызала бонусы и летала в командировки, чтобы у детей было всё, он "спасался" от реальности. Сначала это были просто задержки "на работе", потом — поздние звонки, на которые он отвечал, выходя на балкон. Я старалась относиться ко всему с пониманием. Списывала его холодность на стресс. Думала, что ему тоже тяжело, просто он переживает это внутри.

Думала: «Бедный Витя, он так переживает болезнь сына, ему нужно дать личное пространство. Ему нужно время, чтобы всё это принять и пережить».

А мне? Мне ничего из этого не нужно было? Я что, правда железная?

Начались «совещания допоздна». Потом «срочные командировки». Я верила. Я, сорокалетняя опытная женщина, большой профессионал, видевшая насквозь любого лживого подрядчика, верила собственному мужу.

— Насколько же я была слепа... — горько усмехнулась я в пустоту салона, притормаживая на светофоре.

Правда вскрылась случайно — сообщение на его телефоне. Короткое, вульгарное. «Жду тебя, мой котик. На мне сейчас то бельё, которое ты купил».

Котик? Но Виктор был солидным мужчиной, отцом двоих детей, моим надёжным партнером. Или так было только в моих иллюзиях?

А потом я начала копать. И бездна его падения распахнулась передо мной.

На его телефоне оказались тонны её откровенных фотографий... Оказалось, что свою внутреннюю пустоту мой муж заполнил романом с дорогой эскортницей с губами-уточками и полным отсутствием моральных принципов. Нашел себе ту, с кем не нужно было обсуждать уровень глюкозы в крови и графики платежей.

Но даже тогда я ещё не знала масштаба беды. Я думала — просто интрижка. Конечно, мне было больно, конечно, предательство меня подкосило. Я хорошо понимала, что впереди — тяжелый развод.

Но оказалось — впереди ужасная катастрофа.

Виктор не просто завел любовницу. Он платил моими же деньгами за иллюзию того, что он — по-прежнему "крутой мужик". Он покупал себе реальность, где нет болезней, ответственности и успешной жены, на фоне которой он казался себе серым пятном.

И он не просто ушел. Он решил, что имеет право «компенсировать» себе годы жизни с «вечно занятой женой и больным ребенком».

Муж методично, как заправский диверсант, выкачивал из меня ресурсы. Каждый рубль, который я откладывала на врача Тёме или на учебу Юли, уходил на сумки и отели для этой девицы. Он дарил ей «Картье», пока я экономила, чтобы купить Тёме новую систему мониторинга.

А его двадцатилетняя эскортница не просто развлекалась — она профессионально выкачивала из него деньги.

Я припарковалась у дома, чувствуя, как по щеке ползет одинокая, злая слеза. Внутри всё выгорело. Осталась только холодная, звенящая пустота. Половина жизни отдана человеку, который выпотрошил меня досуха и выбросил за ненадобностью.

Но я очень быстро взяла себя в руки и вышла из машины. Мне хотелось только одного — забрать сына и скрыться где-нибудь, где нас не найдут.

Но реальность, как всегда, внесла свои коррективы. Нам было не сбежать.

Меня уже поджидали у двери квартиры, которая больше мне не принадлежит.

Глава 3

Я вышла из лифта, на ходу выуживая ключи из сумки. В голове настойчиво билась одна-единственная мысль: вот бы сейчас собрать всё самое необходимое, забрать Тёму и уехать подальше от этого всего. Выдохнуть, накопить силы, восстановить ресурс...

Вот только куда бежать я не знала. К маме? В отель? К подруге? Мне просто ужасно хотелось уехать прочь из этой квартиры, где каждый угол теперь напоминал мне о предательстве мужа.

Но до двери я не дошла.

Две массивные тени отделились от стены моей лестничной площадки. Двое мужчин, одетых в одинаковые кожаные куртки, с лицами, на которых жизнь высекала печать равнодушия и жестокости.

— Виктория Юрьевна? — один из них, пониже и коренастее, преградил мне путь.

— Я. Кто вы такие? И что вы делаете у моей двери? — я постаралась вложить в голос всю свою уверенность, хотя сердце ухнуло куда-то в район желудка.

— Ваш муж очень сильно подвел нашего шефа, — коротко бросил второй, тот, что повыше. — И, судя по всему, решил, что может просто исчезнуть с чужими деньгами. А наш шеф очень уважаемый человек... Ему такое поведение совсем не понравилось...

— Я не знаю, где мой муж, — я попыталась обойти их, но коренастый выставил руку, останавливая. — У нас уже начался бракоразводный процесс, и он не докладывает мне о своём местонахождении. Уходите, иначе я вызову полицию.

Коренастый коротко, хрипло хохотнул.

— Полицию? Вызывай. Пока они приедут, мы как раз успеем составить опись имущества. Машину ты припарковала вторым рядом? Ключи гони! Она теперь не твоя. И квартира тоже.

— Что вы несете? — выдохнула я возмущенно. — Машина оформлена на меня! Квартира в долевой собственности!

— Была, — высокий сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного предела. — Ваш муж переписал всё имущество под залог займа неделю назад. Подписи ваши, документы нотариально заверены. Так что, Виктория Юрьевна, у вас есть ровно пятнадцать минут, чтобы собрать свои трусы в пакет и освободить помещение.

— Вы не имеете права... это незаконно! — я сорвалась на крик, пытаясь оттолкнуть его руку от двери. — У меня там ребенок!

В этот момент щелкнул замок. Тяжелая входная дверь приоткрылась, и в щель высунулось бледное личико Тёмы. Его глаза были расширены от испуга.

— Мам? — его голос прозвучал тонко и жалобно. — Почему ты кричишь? Кто это?

Коренастый мгновенно перевел взгляд на сына. На его губах заиграла липкая усмешка.

— О, это и есть ваш наследник? — он сделал шаг к двери, заставляя Тёму испуганно отпрянуть. — Слушай, пацан, скажи папе, когда увидишь, что долги надо возвращать вовремя. А то ведь всякое бывает... лестницы скользкие, окна хрупкие.

— Не смей! — я буквально бросилась между ним и дверью, закрывая собой сына. — Не смей к нему подходить!

Высокий резко схватил меня за локоть и дернул на себя. Боль обожгла руку, я вскрикнула.

— Слушай сюда, овца, — прошипел он мне в самое ухо. — Шеф ждёт возврат долга. Твой муж не отдаст — значит, отдашь ты. И если ты сейчас же не отдашь ключи от тачки, мы начнем с того, что разобьем этот хлам под окнами прямо на твоих глазах. А потом зайдем внутрь и посмотрим, что ещё мы можем утилизировать или... Или забрать.

Мир вокруг меня поплыл. Ярость и страх смешались в ядовитый коктейль. Я видела их сытые, наглые лица и понимала: они не шутят. Для них мы с Тёмой были даже не людьми — просто преградой, которую нужно устранить.

— Пожалуйста... — мой голос надломился, броня дала трещину. — В машине... в бардачке запасные сенсоры для помпы. Мне нужно их забрать. Сын не может без них!

— Меньше слов, — коренастый подтолкнул меня обратно к лестнице. — Живее, курица.

Голова шла кругом. Я почти не чувствовала ступеней под ногами, когда бежала вниз, преследуемая тяжелым топотом двух верзил. В руке я сжимала ключи от машины — теперь уже не моей.

Мы выскочили на парковку. Мой белый кроссовер, моя гордость, купленная на годовой бонус, стоял под прицелом их равнодушных взглядов.

— Быстрее! — рявкнул коренастый, нависая над моей спиной.

Я рванулась к пассажирскому сиденью, распахнула бардачок и начала судорожно выгребать заветные коробочки с сенсорами.

— Всё, время вышло! — высокий бесцеремонно отодвинул меня плечом и с силой захлопнул дверь.

Потом резко вырвал ключи из моих пальцев.

— Пожалуйста, выслушайте, меня! — я схватила коренастого за рукав кожаной куртки, окончательно теряя остатки гордости. — Я всё понимаю. Мой муж... он совершил ошибку. Но я — операционный директор крупного холдинга! Я хорошо зарабатываю и смогу всё выплатить, мне просто нужно время. Нам нужно сесть и договориться о графике платежей. Я составлю план реструктуризации долга, я...

— График платежей? — высокий, который уже устроился на водительском сиденье моей машины, сплюнул в открытое окно. — Слышь, тетя, ты берега попутала? Ты должна сорок лямов. Сорок! Ты их в своей сумочке припрятала? Вали отсюда, пока мы добрые, и не мешай работать.

Он нажал завёл машину, и мотор взревел, обдавая нас выхлопными газами.

— Стойте! — закричала я, перекрывая шум двигателя. — Мне нужно время, и я найду ресурсы... Не выгоняйте нас из квартиры, прошу!

Коренастый, который остался на тротуаре, чтобы «проводить» нас, вдруг посмотрел на меня иначе — не как на «овцу» или «курицу», а с каким-то интересом. Словно впервые заметил мой дорогой офисный костюм и то, как я, даже стоя на коленях в моральном смысле, пытаюсь говорить на языке бизнеса.

— Реструктуризация, значит... — протянул он, потирая небритый подбородок. — Видать, и правда деловая. Но мы такие вопросы не решаем. Мы — руки. А решает только сам шеф.

— Тогда дайте мне его контакты! Я сама с ним поговорю. Я объясню всё...

Бандит усмехнулся. Эта улыбка не сулила ничего хорошего, но в ней хотя бы промелькнула жалость хищника к загнанной добыче. Он залез во внутренний карман куртки и достал небольшую карточку.

— Ну, попробуй. Только учти: наш шеф не любит, когда тратят его время впустую.

Плотный, тяжелый черный картон с золотым тиснением. Никаких должностей, никаких адресов. Только имя и номер телефона.

Я опустила взгляд на карточку, и в этот момент у меня словно выбило воздух из легких. По спине пробежал холодок.

Мне было хорошо известно это имя, как и многим в городе. Это был не шанс на спасение. Это был билет в один конец.

Глава 4.

В квартире царило напряжение, как перед грозой. Тёма затих в своей комнате — я даже выдала ему планшет, лишь бы он перестал задавать вопросы. Сама же я застыла на кухне, всё еще сжимая черную визитку с золотым тиснением в руках.

Я вспомнила, как полгода назад на одном из закрытых приемов акционеры шепотом обсуждали «зачистку» в промышленном секторе. Тогда один из наших партнеров, обычно невозмутимый мужчина, побледнел только от упоминания этого имени. «С этим человеком нельзя воевать, Вика, — сказал он тогда мне. — С ним можно только договариваться. И то, если он сам этого захочет».

Мой муж умудрился влезть в карман именно к нему...

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. К счастью, это был не наглый грохот бандитов.

Я рванула к дверям, стараясь на ходу стереть с лица печать скорби и разгладить пиджак. Привычка «держат лицо» работала на автомате, как старая охранная система.

Дочь зашла в прихожую, бросила сумку. Она выглядела бледной, её губы подрагивали.

— Мам? Там на лестнице двое... Они смотрели на меня так... Будто я им денег должна... Какую-то чушь у меня спрашивали...

Я открыла рот, чтобы выдать что-то успокаивающее, но слова застряли в горле. Я посмотрела на дочь и поняла, что больше не могу. Маска «железной леди» дала такую трещину, что спрятать под ней правду казалось невозможно.

— Проходи на кухню, — сказала я глухо. — Нам нужно поговорить.

Дочь почуяла неладное. Она медленно прошла за мной, села на край стула, не снимая куртки.

— Мама, ты меня пугаешь. Что-то с папой?

— С папой всё... — я замаялась, подбирая слово, — ...всё прекрасно. Настолько, насколько это возможно для человека, который ограбил собственную семью и сбежал.

Я рассказала ей всё без прикрас. О том, что папа «спасался» от проблем в объятиях эскортницы. О том, что счета пусты. О том, что сегодня меня уволили по статье за воровство, которого я не совершала, потому что муж выводил деньги с моей корпоративной карты.

Юля слушала молча, только глаза её становились всё больше, наполняясь слезами. Когда я закончила рассказ про сорок миллионов долга, она закрыла рот рукой.

— Сорок... миллионов? — прошептала она. — Но откуда их взять? И эти люди... которые трутся возле нашей квартиры...

— Наверное, караулят меня, чтобы я тоже не сбежала. Машину они уже забрали.

Я взяла визитку и повертела её в руках.

— Юля, я должна быть с тобой честной. Скорее всего, нам придется переехать в квартиру попроще... Но я могу пообещать тебе одно: я обязательно решу все вопросы. Мне нужно только немного времени...

Шок в глазах дочери сменился той же ледяной яростью, которая горела во мне самой.

Юля встала, подошла ко мне и крепко обняла. Я почувствовала, как её слезы мочат лацкан моего пиджака.

— Папа... как он мог так с нами поступить? — всхлипнула она. — Мы же его дети...

Я отстранилась и вытерла её щеки.

— Ничего, дочка. Ничего... Я восемь лет выводила холдинги из банкротства. Думаю, пришло время вывести из банкротства собственную жизнь.

— Мам, но это же сорок миллионов, — прошептала Юля, и в этом шепоте было столько отчаяния, что мне на секунду захотелось просто закрыть глаза и исчезнуть. — Ты не сможешь

вытянуть это одна. Это несправедливо! Почему ты? Почему ты должна разгребать то, что наворотил отец?

Она начала нервно мерить шагами кухню.

— Я напишу заявление на академ... И найду работу! Я могу пойти в продажи, в кофейню, да куда угодно! Я буду отдавать тебе всё до копейки, мы вместе будем гасить эти платежи, мы...

— Нет!

Я вскинула руку, обрывая её на полуслове. В груди всё сжалось от боли.

— Даже не смей об этом думать! Ты не бросишь учебу... Ты не пойдешь «куда угодно» за копейки...

— Но ты не обязана тащить всё на себе! — Юля подбежала ко мне, схватила за руку. — Ты же не железная!

Я посмотрела на её ухоженные пальчики с модным маникюром, на её молодое, еще не знающее настоящей усталости лицо, и перед глазами вспыхнули мои собственные девятнадцать.

Холодные помещения магазинов, где я подрабатывала мерчендайзером. Туман вечного недосыпа, когда ты засыпаешь прямо на лекциях, потому что за плечами смена. Ноющая боль в спине от таскания тяжестей.

Я поклялась, что мои дети никогда не узнают вкуса безнадежной пахоты ради выживания.

— Юля, послушай меня внимательно, — я взяла её за лицо, заставляя смотреть мне в глаза. — Я строила карьеру не для того, чтобы ты сейчас забила на учёбу. Учёба — это твой билет в лучшее будущее.

— Но сорок миллионов... — всхлипнула она.

— Официанткой ты всё равно столько не заработаешь. А специалист моего уровня — может. Это сложный, но выполнимый кейс, — я старалась, чтобы мой голос звучал максимально спокойно.

Потом взяла свой телефон и визитку. Мои руки больше не дрожали. Я решилась. Нужно просто назначить встречу...

Один человек, которого боялся весь город. И одна женщина, которой больше нечего терять.

Я вышла из кухни и нажала на вызов.

— Слушаю, — раздался в трубке глубокий, бархатный голос, от которого по коже поползли мурашки.

— Мне срочно нужно с вами встретиться. Нужно поговорить о... о реструктуризации долга моего мужа.

— В одиннадцать вечера, в «Олимпе», Виктория. Не опаздывайте. Я не люблю, когда меня заставляют меня ждать.

Впереди был самый важный экзамен в моей жизни. Переговоры с человеком, который не знает слова «милосердие».

Но он еще не знает, на что способна женщина, которой не оставили другого выбора, кроме как победить.

Глава 5

— Я надеялся, что вы придёте, — вкрадчиво сказал Руслан, когда я зашла в его кабинет.
— Хотя, признаться, поначалу думал, что вы выберете путь побега.

— Побег от вас? Это нецелесообразно, — с достоинством ответила я. — Надеюсь, с вами всё-таки можно договариваться.

Руслан подался вперёд и сцепил пальцы в замок.

— Договариваются те, кому есть что предложить. Ваш муж украл у меня сорок миллионов. Квартира, машина и ваши семейные накопления едва ли покроют четверть этой суммы. Остальное как собираетесь возвращать? У вас есть тайные счета? Богатые любовники?

Последнее он произнёс с едва заметной усмешкой, и я почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Страх никуда не исчез, но злость оказалась полезнее. Она помогала держать спину прямо и не забывать, что я пришла сюда не плакать у него на плече.

— У меня есть кое-что, что может стоить гораздо дороже сорока миллионов.

Бровь Руслана едва заметно приподнялась.

— Даже так?

— У меня есть компетенции. Я предлагаю вам сделку, Руслан Игоревич.

Вот теперь в его взгляде появилось настоящее любопытство.

— Продолжайте.

— Для начала я хочу, чтобы ваши люди перестали караулить у моей квартиры.

Лицо Руслана снова стало непроницаемым.

— Они никого не караулят.

— Неужели? Тогда двое мужчин, которые вчера объясняли мне, что произойдёт, если я не найду деньги, наверное, просто заблудились этажом.

— Они выполняли свою работу.

— У меня дома сын. Он болен. Ваши люди не должны приближаться к моей семье.

— Вы пришли ко мне ставить условия?

— Я пришла договариваться. Вы сами только что сказали, что это возможно, если мне есть что предложить.

Руслан откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Допустим. Так что именно вы предлагаете?

— Мой вариант — это реструктуризация долга. Я найду работу и буду перечислять вам большую часть дохода. Семьдесят процентов. Если потребуется, восемьдесят.

— Нет.

Я ожидала этого ответа, но всё равно почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Но у меня больше ничего нет...

— Ошибаешься... Есть ты. Ты можешь предложить мне себя. Мне нужен кто-то, кто наведёт порядок в моём деле. И интуиция подсказывает мне, что ты справишься с этой задачей. Согласна?

— Работать на вас? Ну уж нет! Тогда забирайте машину, счета, всё, на что имеете законные основания претендовать, и оставьте квартиру до тех пор, пока я не найду способ обеспечить сыну нормальные условия.

Руслан поднялся.

Широкие плечи, безупречно сидящий тёмный пиджак, спокойная уверенность человека, который привык входить в помещение и не сомневаться, кому здесь принадлежит власть. Под манжетой рубашки виднелся край татуировки.

— Смелая женщина, — негромко сказал он. — Сама пришла ко мне, спорит со мной... Как ты не поймёшь? У тебя *нет* выбора!

Его взгляд медленно прошёлся по моему лицу, и на несколько секунд мне стало трудно дышать. Я слишком хорошо почувствовала, что интерес, который появился в его глазах, уже не был исключительно деловым.

— Я не хочу работать на вас, — я заставила себя выпрямиться, хотя под его взглядом хотелось сжаться в точку. — Я предпочла бы сама найти работу...

— Какой дурак возьмет тебя на работу? Ту, которую сегодня утром с позором выставили из холдинга? Уволили по статье за воровство?

Я замерла. Кровь мгновенно прилила к лицу, щеки обожгло стыдом.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю всё, — Руслан усмехнулся. Его пальцы с темной вязью татуировок коснулись моего подбородка и мягко, но настойчиво заставили меня снова поднять голову.

— Мне нужно навести порядок в ряде моих проектов, — он сделал паузу, внимательно следя за моей реакцией. — Там царит такой хаос, что мне просто не под силу во всём этом разобраться самому. Я всё-таки не финансист, сама понимаешь. Я не силен в этом... Мне нужен человек, способный выстроить структуру. И которому я смогу доверять... Я хочу, чтобы ты стала таким человеком для меня.

Внутренний холод сковал легкие. Руслан был бандитом, человеком, живущим по ту сторону морали, и мысль о том, чтобы стать частью его империи, вызывала у меня настоящий ужас.

Но этот ужас разбивался о беспощадную реальность.

— И на каких условиях вы предлагаете мне работать на вас? — произнесла я.

— Тебя волнуют условия?

— Если вы хотите получить квалифицированного специалиста, а не заложницу, мы должны понимать, о чём договариваемся.

— Хорошо. На время работы долг Виктора замораживается. Квартиру никто не трогает. Твою семью тоже.

— Зарплата?

Он назвал сумму. На прежней должности я получала гораздо меньше.

— И что происходит с долгом?

— Посмотрим, сколько ты мне сэкономишь.

— Нет. Так сделки не заключают.

Его глаза опасно сузились.

— Ты опять споришь?

— Уточняю условия. Если моя работа действительно принесёт вам деньги, часть суммы должна идти в счёт долга Виктора. Иначе я просто стану вашим сотрудником и останусь должна вам те же сорок миллионов.

Несколько секунд Руслан молча изучал меня.

— Процент от подтверждённой экономии и найденных потерь будет списываться с долга.

— Какой процент?

Он назвал цифру. Я покачала головой и предложила свою.

Мы сошлись примерно посередине.

— Теперь ты будешь принадлежать мне, — с ухмылкой сказал он, когда мы заключили сделку. — Целиком и полностью.

— Работать на вас я согласна. Но принадлежать вам не собираюсь, — ответила я холодно. — Я принадлежу исключительно самой себе!

— Это мы ещё посмотрим...

Глава 6

Ровно в восемь утра следующего дня под окнами моей квартиры припарковался черный внедорожник, а на мой телефон поступило короткое сообщение: "выходи".

— Это за тобой? — Юля выглянула в окно кухни. Её голос дрожал от плохо скрываемой тревоги. — Что это за работа, мама?

Я судорожно запихивала в сумку планшет и ежедневник, стараясь не смотреть дочери в глаза.

— Это... крупная корпорация, дочь. Они выделили мне машину.

Юля подошла ближе, заглянула мне в глаза.

— Мам, ты вчера пришла сама не своя. У тебя руки до сих пор трясутся. Скажи правду, эта новая работа как-то связана с долгами папы?

— Юля, прекрати, — отрезала я, накидывая пиджак. — Мне нужно кормить вас и лечить Тёму. Это всё, что тебе нужно знать. Пожалуйста, помоги собраться брату и собирайся сама. Я попрошу водителя сначала завезти вас в школу и универ.

Водитель — массивный мужчина с абсолютно непроницаемым лицом — не поздоровался, лишь коротко кивнул, но зато вежливо придерживал перед нами двери.

Пока мы ехали в школу, Тёма увлеченно рассматривал дорогой салон, а я с горечью вспоминала свою любимую машину.

Офис Руслана находился в недавно отстроенном бизнес-центре, который возвышался над старым городом, как символ новой власти. Здесь не было вывесок, только лаконичная эмблема на входе. Охрана на ресепшене пропустила меня сразу, едва я назвала фамилию.

Лифт поднял меня на последний этаж.

— Проходите в кабинет. Руслан Игоревич вас уже ждёт, — сообщила мне секретарша.

Я толкнула тяжелую дверь и замерла на пороге. Руслан стоял у панорамного окна, спиной ко мне. Без пиджака, в одной белой рубашке с закатанными рукавами, обнажающими татуировки на мощных предплечьях.

— Ты опоздала, Виктория, — произнес он, не оборачиваясь. — А я ценю пунктуальность так же сильно, как и честность.

Он медленно повернулся. В утреннем свете я смогла разглядеть его лучше, чем вчера в полутьме. Резкие черты лица, безупречная стрижка и этот взгляд — властный, изучающий, раздевающий. Он смотрел на меня так, будто видел не мой деловой образ, а всё, что я пыталась под ним скрыть: страх и дикую настороженность ко всему, что бы он ни сказал.

— Я должна была отвезти сына в школу, — я заставила свой голос звучать твердо. — Я сделала бы это сама и намного раньше, но вы забрали мою машину.

— Твои семейные обязательства не должны мешать моим делам.

Его взгляд переместился на мои губы, которые я закусила от волнения.

— Ну что, выдающийся управленец... Посмотрим, насколько быстро ты сможешь разобраться в том дерьме, которое здесь наворотили до тебя. Садись. Нам предстоит очень долгий и тяжёлый день.

Его рука опустилась на мою талию и слегка подтолкнула меня к столу. Я прошла и села в единственное свободное кресло — прямо рядом с его.

Вот уж чего я совсем не ожидала! Я думала, что мне выделят место, завалят документами и приставят какого-нибудь зама или менеджера, который введет меня в курс дела. Более того, я надеялась на это. Мне хотелось дистанцироваться от Руслана.

Но Руслан сел в кресло рядом со мной.

— Я буду работать... Вот здесь? — я не смогла скрыть удивления в голосе. — Вы лично будете вводить меня в курс дела, я правильно поняла?

— Тебя это смущает? — он слегка приподнял бровь.

— Было бы логичнее, если бы технические детали мне объяснил кто-то из сотрудников. Это сэкономило бы ваше время. И... позволило бы мне лучше сосредоточиться.

Его присутствие действовало на меня... странно. И это мешало мне соображать.

— Я не доверяю никому, — процедил он сквозь зубы. — Ни своим замам, ни бухгалтерам, ни даже своей тени... Мне кажется — нет, я абсолютно уверен! — что меня обкрадывают все, кто только может. Каждый из них считает, что может отщипнуть маленький кусочек, и я этого не замечу... Поэтому работать мы будем рука об руку. Ты будешь сидеть здесь, под моим контролем, пока я не пойму, что действительно могу тебе доверять. Что ты ничего не выкинешь...

— Но... мы будем постоянно находиться в одном кабинете?

— Теперь это и твой кабинет. Привыкай. Я хочу видеть всё, что ты делаешь. Хочу лично наблюдать за тем, как ты будешь отрабатывать свой долг.

Он пододвинул ко мне ноутбук, и его пальцы на мгновение коснулись моей руки. Короткий, случайный контакт, наполненный скрытым электричеством.

— Начинай. Вот отчеты по трем основным направлениям за последний квартал. Найди мне нестыковки.

Я опустила голову к экрану, понимая, что этот день — и все последующие — станут для меня настоящим испытанием на прочность.

Глава 7

Я заставила себя сосредоточиться на таблицах, надеясь, что работа станет той самой стеной, за которой я смогу спрятаться от ненужных мыслей.

Но я всё ещё чувствовала плечо Руслана в каких-то сантиметрах от своего. Чувствовала, как от него исходит почти физически осязаемый жар.

— Посмотри на вторую вкладку, — его голос, низкий и хриплый, прозвучал совсем рядом с моим ухом.

— Я и смотрю...

— Нет, ты просто пялишься в экран, — по его губам скользнула ироничная улыбка. — Твои зрачки не двигаются.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня. Его рука лежала на подлокотнике, совсем рядом с моим бедром. Взгляд медленно прошёлся по моему лицу, задержался на шее...

— Вам не кажется, что ваше... хмм... присутствие... снижает эффективность моей работы? — спросила я строго.

— Я же должен проверить тебя на стрессоустойчивость, — он подался вперед, сокращая и без того крошечное расстояние между нами. — В бизнесе это даже важнее, чем умение считать.

Он протянул руку и накрыл мою ладонь своей.

— Такие холодные руки, — прошептал он, и его большой палец медленно, почти ласково прошёлся по тыльной стороне моей ладони. — Боишься меня?

— Я боюсь за сына, — я отдернула руку.

Резкий, требовательный звонок мобильного телефона заставил меня вздрогнуть. Руслан не спешил отвечать — ещё несколько секунд его взгляд, тяжёлый и обжигающий, был прикован к моим губам, словно он решал, что сейчас важнее — я или звонок.

Наконец он достал телефон. Увидев имя на экране, Руслан изменился в лице. Расслабленная поза хищника мгновенно сменилась стальной собранностью.

— Говори, — бросил он в трубку. — Где? Ладно. Выезжаю.

Он резко поднялся, и я невольно прижалась к спинке кресла. Энергия, исходившая от него, теперь была направлена не на меня, а на какую-то внешнюю угрозу, и от этого она казалась ещё более разрушительной.

— У меня тут нарисовался форс-мажор, — он накинул пиджак. — Ты остаёшься здесь. Никуда не выходишь, ничего не трогаешь, кроме того, что я тебе дал. Мои люди скоро принесут остальные документы.

Он на мгновение задержался у двери. Его глаза сузились.

— И дождись меня. Обязательно!

Дверь за ним захлопнулась, и я наконец-то осталась одна. Смогла вдохнуть полной грудью.

Но облегчение длилось недолго.

Не прошло и пяти минут, как дверь снова распахнулась.

В проеме застыли двое. Явно не простые офисные клерки, хоть и одеты в строгие костюмы. Типичные «цепные псы» — широкоплечие, со старыми шрамами и когда-то переломанными носами.

Один из них, постарше, с тяжёлым взглядом, нес в руках огромную стопку папок. Второй шел следом, нагруженный двумя коробками, из которых торчали хаотично наваленные бумаги.

— Вы... из финансового отдела? — спросила я.

— В этой конторе мы — и финансовый отдел, и бухгалтерия, и аудит, и... Отдел зачистки, — со смешком ответил тот, что помладше. — Мы здесь присматриваем за всем.

Я окинула их взглядом, не скрывая изумления.

— Вы ведете отчетность? Серьёзно?

Вместо того чтобы аккуратно передать документы, они с оглушительным грохотом обрушили пыльную стопку папок прямо передо мной. Вторая коробка приземлилась на угол стола, едва не сбив мой планшет.

— Это что? Документы за последние пять лет? — я ошеломленно оглядела этот бумажный хаос.

— Говорят, вы мозговитая бабёнка, — бандюган осклабился, обнажив неровные зубы. — Вот и пошевелите своими извилинами...

— Но Руслан говорил только о последнем квартале...

— Планы поменялись, красавица... Раз уж ты втерлась к шефу в доверие, покажи, на что способна. Или ты только глазками хлопать умеешь, пока твой муж сорок лимонов просаживает?

Раздался короткий, издевательский смешок.

— Слушай сюда... — он понизил голос до вкрадчивого шепота. — Думаешь, если шеф пустил тебя в свое кресло и разрешил покопаться в бумажках, то ты теперь неприкасаемая? Ошибаешься. Руслан хочет найти «крысу», и ты её найдешь. Но мой тебе совет: не стоит проявлять излишнее рвение...

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Вы мне угрожаете? В кабинете вашего шефа? — я вздернула подбородок.

— Мы тебя предупреждаем, — он криво усмехнулся и похлопал по стопке папок своей тяжелой ладонью. — Сиди тихо, делай, что сказано. Поняла?

Он направились к выходу, но у самой двери бросил небрежно:

— И если что, то мы... мы всегда где-то рядом.

Я откинулась на спинку кресла, глядя им в след.

Эти двое явно что-то скрывали. И тот факт, что они пришли ко мне с угрозами, едва хозяин переступил порог, означал только одно: «крыса», которую ищет Руслан, может оказаться гораздо ближе к нему, чем он думает.

Они абсолютно точно не будут мне помогать. Они завалят меня этим мусором и запутают в липовых отчётах, чтобы выставить полной дурой.

Для них я — враг, которого привели в дом. И стоя уже оскалила зубы, едва вожак отвернулся.

Но я не стала тратить время на переживания. Открыла первую папку и погрузилась в цифры. Взгляд уже начал сканировать колонки цифр, выцепляя первые нестыковки.

Я вошла в эту клетку добровольно, и теперь мне нужно было не просто выжить, а перегрызть глотку каждому, кто встанет на моем пути к свободе. И, кажется, начать придется с тех, кому Руслан доверял больше всего.

Глава 8

Девять вечера, половина десятого... Офис за дверью давно вымер, а я всё ещё сидела в окружении бумажных баррикад, чувствуя, как затекает спина, а в висках начинает пульсировать тупая, тягучая боль.

Я могла бы уйти ещё несколько часов назад. Но после первой найденной нестыковки уже не могла остановиться...

Наконец дверь распахнулась, и Руслан ввалился в кабинет.

Рубашка расстегнута на две пуговицы, волосы растрепаны, в глазах, несмотря на позднее время суток, плескается дикая, неукротимая энергия. Он замер у порога, тяжело дыша.

— Дождалась... — выдохнул он. Удивление в его голосе смешалось с чем-то похожим на удовлетворение.

Я сняла очки и откинулась на спинку кресла.

— Не обольщайтесь. Я не специально ждала вас. Я просто нашла кое-что интересное...

Руслан сделал несколько шагов к столу. Его взгляд скользнул по чудовищным горам папок, которыми меня завалили.

— Что это за свалка? — он нахмурился. — Откуда здесь этот архивный мусор?

— Ваши сотрудники решили, что мне нужно больше... контекста, — я попыталась усмехнуться.

Руслан резко развернулся, бросил взгляд на закрытую дверь, и я почти физически почувствовала, как от него исходит жажда расправы. Он явно не отдавал такого приказа. Его псы начали свою игру, едва он вышел из офиса.

Потом он снова повернулся ко мне, и его взгляд изменился. В его лице проступило что-то похожее на беспокойство.

— Ты бледная как смерть, — пробормотал он, вглядываясь в мои измученные глаза. — Ты хоть обедала? Тебе приносили еду?

Я отрицательно покачала головой.

— Ты сидишь здесь весь день голодная? В этом пыльном склепе... К черту цифры, Виктория, — выдохнул он. — Сейчас ты поедешь со мной.

— Куда ещё? — протянула я растерянно, чувствуя, как от голода и усталости начинает кружиться голова.

Куда он собирается тащить меня на ночь глядя? На сегодня я всё — закончилась, выдохлась.

— В ресторан. Потому что это всё неправильно — что ты осталась здесь вот так... Давай я заглажу свою вину. Поедем, накормлю тебя ужином.

Я медленно, преодолевая свинцовую тяжесть в руках, закрыла крышку ноутбука и отодвинула в сторону пыльную папку.

— Ну уж нет. Прямо сейчас я поеду домой. Мой рабочий день уже давно закончился...

— Он у тебя закончится, когда я это скажу! — процедил он недобро.

— Я не смогла забрать сына из школы! Моей дочери пришлось сделать это за меня. И она весь вечер сидела с ним одна, пока я... пока я была здесь. И теперь я хочу провести с ними хотя бы полчаса, прежде чем они уснут. А завтра мне снова ехать сюда с утра пораньше...

Руслан замер, его лицо окаменело. Взгляд стал колючим, недовольным. Он явно не привык к тому, что его щедрые — или не очень — предложения отклоняются с такой решительностью.

— А что, если это не предложение? — его голос стал угрожающе тихим. — Что, если это приказ?

Я почувствовала, как внутри всё сжалось, но страх вдруг сменился усталым сарказмом.

— И что вы сделаете? Будете насильно кормить меня ужином? — я посмотрела ему прямо в глаза. — Привяжете к стулу в ресторане?

На секунду в кабинете повисла звенящая тишина. Я поняла, что перегнула. С этим человеком нельзя вести себя так — не стоит слишком сильно дразнить его.

Нужно сменить тактику. Я глубоко вздохнула и добавила мягче, включив своё женское обаяние на полную мощность:

— Я очень благодарна вам за приглашение, но... Прошу, заглавьте свою вину иначе. Если вы действительно чувствуете себя неловко за «гостеприимство» ваших людей... просто отвезите меня домой. Я слишком устала, чтобы куда-то ехать. Но я с удовольствием поужинаю с вами в следующий раз!

— В следующий? — Руслан усмехнулся. — Значит, ты заставишь меня ждать... Что ж, ответ принимается.

Я думала, что сейчас он вызовет того самого водителя, который сегодня утром привёз меня. Но Руслан достал из кармана связку ключей.

— Идем, — коротко бросил он. — Я сам тебя отвезу.

Мы спустились в подземный паркинг в полном молчании.

— Странно, — произнесла я, когда мы вместе подходили к его машине. — Вы так рвались получить отчет, а сейчас даже не спрашиваете про результат моей работы...

— А что ты могла сделать за один только день? — в его голосе послышался скепсис. — Просеять тонну мусора, которую тебе подкинули эти идиоты? Максимум, что ты могла — это понять, что у меня в бухгалтерии полный бардак.

Я загадочно улыбнулась.

— Напрасно вы меня так недооцениваете...

Он на мгновение скосил на меня взгляд, в котором вспыхнул искренний интерес.

— И что же? Хочешь сказать, ты нашла что-то? В этой куче хлама?

— Я нашла очень и очень многое, — я специально сделала паузу, наслаждаясь моментом триумфа.

Глава 9

Руслан замер у двери своего внедорожника. В полумраке парковки его фигура казалась еще массивнее, а глаза превратились в два темных, непроницаемых омута.

— Многое? — он прищурился. — Виктория, я не люблю когда говорят загадками. Особенно когда речь идет о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.